

Дынько Алексей Петрович

старший участковый уполномоченный милиции отдела милиции №1 УВД по
Центральному округу г. Краснодара,
преподаватель кафедры гражданского права Кубанского социально-
экономического института
тел. (918) 463-92-00

**Надзор за деятельностью администраций детских пенитенциарных
учреждений в послевоенный период**

Условия содержания несовершеннолетних правонарушителей в местах лишения свободы в послевоенный период, исходя из их нормативно-правового регулирования, следует признать достаточно гуманными. Однако в правоприменительной практике нередко нарушались указанные выше и другие нормы, определяющие эти условия. Мы можем предположить, что нарушения имели систематический характер, о чем свидетельствует издание в 1945 г. специальной Инструкции Прокуратуры СССР по методике проверок мест лишения свободы для несовершеннолетних [1, л. 250-254]. В этом документе напоминались основные задачи прокуроров по делам несовершеннолетних, указывалось, в частности, что на них возлагается надзор за местами заключения для несовершеннолетних. Делалась также ссылка на Постановление ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» [2], за исполнением которого надлежало следить прокуратуре (ранее мы отмечали, что, несмотря на одиозность этого акта, формально он действовал в годы рассматриваемого нами периода).

Прокурорам предписывалось установить постоянную связь с государственными органами, ведущими борьбу с детской преступностью, и осуществлять надзор за выполнением ими постановлений Правительства. При установлении нарушений закона прокурор составляет акт и принимает необходимые меры к их устранению (делает представление в соответствующие вышестоящие органы, опротестовывает незаконные постановления, привлекает виновных в нарушении закона к ответственности и т. д.). Относительно приемников-распределителей указывалось, что проверки в них законности и соблюдения условий содержания несовершеннолетних производятся не реже одного раза в месяц. Проверка приемников-распределителей должна выявлять: соблюдение постановлений Правительства; соблюдение инструкции НКВД, НКЮ и Прокуратуры СССР от 21 июня 1943 года о порядке направления и сроках содержания несовершеннолетних в трудовых воспитательных колониях; условия (бытовые и санитарные) содержания детей в приемниках-распределителях, факты побегов детей из приемников. Прокурор должен проверять, соблюдаются ли сроки, установленные для пребывания детей в приемнике-распределителе и для оформления материала о направлении их в трудовую воспитательную колонию (2 недели); как содержатся дети в распределителе, какие принимаются меры борьбы с побегами, наказаны ли виновные в допущении побегов; соблюдается ли установленный инструкцией порядок направления детей к родителям, опекунам, в детские учреждения, на трудоустройство и т. д.; правильно ли проводится отбор и отправление детей в

трудовые воспитательные колонии. Об установленных нарушениях должен быть составлен акт; нарушения подлежат немедленному устранению [1, л. 251-252]. Также подробно излагался алгоритм действий при проверке детских колоний.

Указывалось, в частности, что «проверка трудовых воспитательных колоний (проводимая не реже одного раза в месяц) должна выявлять и устранить факты нарушения действующих правовых актов. Прокурор обязан установить, правильно ли дети приняты для содержания в колонии, нет ли среди них осужденных (кроме лиц, осужденных за нарушение Указа от 28 XII 1940 года [3]), имеются ли на всех детей и подростков законно оформленные материалы; соблюдаются ли лимит, установленный для колоний, режим и дисциплина труда и быта воспитанников, законы о труде подростков: получают ли они трудовую квалификацию; как ведется борьба с побегами, борьба с хищениями, обмериванием и обвешиванием; каковы материально-бытовые и санитарные условия содержания воспитанников; борьба с заболеваемостью и смертностью детей; нет ли нарушений инструкции от 21 июня 1943 г. [4, л. 203 об.] при выпуске воспитанников из колоний (не выпускаются ли они без получения трудовой квалификации). Об установленных нарушениях должен быть составлен акт; нарушения подлежат немедленному устранению. В случаях серьезных нарушений копия акта с предложением о привлечении виновных к ответственности должна быть направлена в соответствующие руководящие и контрольные органы, а также вышестоящему прокурору» [1, л. 253]. Следует заметить, что весь этот алгоритм ничего нового не представлял и содержал в себе элементарные действия, которые должен был осуществлять любой прокурор, поэтому, как нам представляется, появление Инструкции объяснялось необходимостью напомнить о важности проблемы, связанной с несовершеннолетними правонарушителями.

В дальнейшем в ряде прокурорских актов были выявлены нарушения в деятельности администрации детских пенитенциарных учреждений. Характерным в этом смысле Приказ Прокурора СССР «Об усилении борьбы с хищениями и разбазариванием продовольственных и промышленных фондов и другими злоупотреблениями в детских учреждениях от 28 июля 1945 г. [5, л. 240-241]. Здесь, в частности, указывается: «Имеющиеся в Прокуратуре СССР материалы свидетельствуют о **широком** (здесь и далее выделено нами – авт.) **распространении хищений, разбазаривания, незаконного расходования продовольственных и промышленных товаров и других злоупотреблений в детских учреждениях.** Формы и методы совершения этих преступлений чрезвычайно разнообразны. Материальный ущерб, причиняемый ими, очень большой. Большое распространение имеют самые разнообразные формы хищений и иных злоупотреблений в детских учреждениях. Преступное отношение к воспитанникам детских учреждений, вызванное корыстными побуждениями нажиться путем обсчета, обвеса, присвоения предназначенных для детей материальных ценностей, в подавляющем большинстве случаев **приводит к тяжелому бытовому положению детей, антисанитарному их содержанию и упадку здоровья.** Подобные **преступные факты, широко распространенные во многих областях,** своевременно не были предотвращены из-за отсутствия правильно организованного прокурорского надзора» [5, л. 240]. И далее, в целях усиления борьбы с хищениями, разбазариванием и другими злоупотреблениями в детских учреждениях предписывалось осуществить ряд мероприятий.

В частности, было приказано: «1) установить постоянную связь с контрольно-ревизионными органами наркоматов и ведомств, имеющих детские учреждения, с торговой и финансовой инспекциями, а также с профсоюзными и комсомольскими организациями в целях своевременного выявления и решительной борьбы со всеми фактами хищений, разбазаривания и др. злоупотреблений в детских учреждениях; 2) в соответствии с инструкцией Прокуратуры СССР от 10/1 1945 года о работе прокуроров по делам несовершеннолетних периодически организовывать в каждом районе проверку условий содержания детей в детских учреждениях; 3) привлекать к суровой ответственности виновных в хищениях, разбазаривании и иных злоупотреблениях фондами, предназначенных для детских учреждений. Следствие по этим делам производить в максимально сжатые сроки. При расследовании всесторонне выявлять, помимо материального ущерба, последствия от преступной деятельности виновных (побеги из детских учреждений, заболеваемость и смертность); 4) судебные процессы по наиболее актуальным делам проводить с обязательным личным поддержанием обвинения и с мобилизацией вокруг них внимания общественности детских учреждений, комсомола, профсоюзов. По всем остальным делам обеспечивать поддержание обвинения квалифицированными прокурорами» [5, л. 241]. Помимо прокуратуры, факты нарушений выявляли также путем ведомственного контроля.

Рассмотрим ряд соответствующих актов по проверке работы по предупреждению беспризорности, безнадзорности и преступности, а также соблюдению законности в пенитенциарных учреждениях для несовершеннолетних. Так, в Директиве народного комиссара внутренних дел СССР «Об улучшении работы отделов НКВД/УНКВД по борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью» от 14 февраля 1946 г. [6, л. 25-26] указывалось, что «руководители органов НКВД Молдавской ССР, Брянской, Тамбовской, Омской и Куйбышевской областей не уделяют должного внимания вопросам борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и детской преступностью. Серьезные недочеты в этой работе имеют место и в других республиках, краях и областях. Отделы НКВД-УНКВД по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью не ведут систематической работы по выявлению, изъятию и устройству беспризорных и безнадзорных детей. Вследствие недостаточной связи детских отделов с местными партийными, советскими и общественными организациями в деле изучения причин, порождающих детскую беспризорность, безнадзорность и преступность, в ряде республик, краев и областей не проводится необходимая работа по выявлению и устранению причин, способствующих детской беспризорности, безнадзорности и преступности. Устройство беспризорных и безнадзорных детей проводится без достаточного учета личных качеств и способностей детей, а также без изучения семейных условий детей» [6, л. 25]. Далее речь идет об общих недостатках в местах лишения свободы.

Отмечается, например, что «внутренний распорядок, установленный в некоторых детских колониях, содержит в себе элементы лагерного режима. В ряде детских колоний имеют место случаи грубого обращения с воспитанниками со стороны обслуживающего персонала и неудовлетворительно организовано бытовое обслуживание (плохо отапливаются помещения, качество питания низкое и др.). В процессе производственного обучения воспитанники колоний в ряде случаев не получают трудовой квалификации и выпускаются из

колоний не приспособленными к самостоятельной жизни. Начальники отделов НКВД-УНКВД по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью и начальники детских колоний не ведут необходимой работы по привлечению работников детских колоний к делу воспитания детей, а также не обеспечивают вовлечение самих воспитанников колоний в работу по поддержанию дисциплины, внутреннего распорядка, режима, слабо вовлекают воспитанников в органы самоуправления колоний и т. д.» [6, л. 26]. В приказной части содержались в основном дежурные призывы общего характера: «Усилить руководство работой отделов по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью и принять в ближайшее время все необходимые меры к устранению отмеченных выше недочетов».

Но были также приняты меры, среди которых можно выделить следующие: 1) к 1 апреля 1946 г. укомплектовать мастерские детских колоний квалифицированными инженерами и мастерами; 2) к 1 мая 1946 г. заменить в трудовых воспитательных колониях всех взрослых заключенных, работающих на производстве и по обслуживанию воспитанников, вольнонаемным составом; 3) к 1 мая 1946 г. закончить организацию производственного обучения во всех колониях и обеспечить вовлечение всех воспитанников в производительный труд; 4) воспитанников, систематически нарушающих режим и дисциплину, направлять в колонии с особым режимом, для чего подготовить к 1 апреля 1946 г. Архангельскую (Архангельской области) и Чепецкую (Кировской области) детские колонии для осужденных мальчиков; Нижнеомовскую (Пензенской области) и Красноярскую (Красноярского края) для неосужденных мальчиков (еще раз обратим внимание на то, что в местах лишения свободы содержались несовершеннолетние, не виновные в совершении преступлений – авт.). Штат этих колоний укомплектовать квалифицированными педагогическими кадрами» [6, л. 26]. Далее, как будет показано, такого рода проверки будут конкретизироваться.

Вслед за прокуратурой МВД СССР также обратило пристальное внимание на злоупотребления материально-финансового характера в пенитенциарных учреждениях для несовершеннолетних. Так, в 1947 г. на места было разослано распоряжение министра внутренних дел СССР министрам внутренних дел республик, начальникам УМВД по краям и областям «О мероприятиях по борьбе с растратами, хищениями и злоупотреблениями в детских приемниках-распределителях, состоящих на союзном и местном бюджетах» [7, л. 28-28 об.]. В документе указывалось: «Приказами МВД СССР ... были даны указания об усилении борьбы с растратами, хищениями и недостачами и о проведении ревизий во всех органах МВД не реже одного раза в год. Отчетные данные свидетельствуют, что в детских приемниках-распределителях, состоящих на союзном и местном бюджетах, эти указания выполняются недостаточно и борьбе с растратами, хищениями и недостачами должного внимания не уделяется. В результате за последнее время участились случаи растрат, хищений и злоупотреблений в детских приемниках-распределителях» [7, л. 28]. Затем в распоряжении отмечаются конкретные факты.

Так, в Джалалабадском детском приемнике-распределителе МВД Киргизской ССР бухгалтер Алиева присвоила 10 тысяч рублей и скрылась; в Ошском приемнике той же республики бухгалтер Долгов похитил 20 тысяч рублей и также скрылся. Хищения вещевого довольствия и продовольствия обнаружены в детских приемниках-распределителях Хабаровского и

Алтайского краев, Челябинской, Вологодской, Чкаловской, Тамбовской и некоторых других областей, причем в расхищении участвовали складские и счетные работники, а в отдельных случаях и начальники приемников. Отмечен также ряд злоупотреблений со стороны эвакуаторов приемников-распределителей. Так, например, эвакуатор Таллинского приемника МВД Эстонской ССР Жарковская вместо сопровождения детей до места назначения оставила их на вокзале в Таллине и представила фиктивный отчет на расходы по эвакуации, аналогичные факты имели место в Рижском детском приемнике МВД Латвийской ССР и ряде др.» [7, л. 28-28 об.]. Исходя из этих фактов, было предписано в третьем квартале 1947 г. провести документальные ревизии во всех детских приемниках-распределителях, состоящих на союзном и местном бюджетах, в первую очередь в тех, где имеются данные о злоупотреблениях и которые не были «обревизованы» в 1946–1947 гг.

В следующем приказе МВД СССР (1949 г.) [8, л. 20-21] отмечается, что «30 марта 1949 г. в помещении столовой Надвоицкой трудовой колонии для осужденных несовершеннолетних Карело-Финской ССР случайным выстрелом из винтовки осужденным несовершеннолетним Дмитриевым был тяжело ранен осужденный подросток колонии Карачев. Расследованием указанного факта и проверкой работы колонии установлено, что руководством колонии допускались грубые нарушения режима содержания, учебно-воспитательной работы и правил охраны колонии. Так, четверо осужденных несовершеннолетних привлекались к несению постовой службы по охране колонии. Начальник колонии капитан Магера и начальник надзорслужбы майор Голубков выдавали этим несовершеннолетним винтовки. Пожарная команда скомплектована исключительно из несовершеннолетних осужденных, которые размещены вне зоны колонии; некоторые из них были замечены в грубых нарушениях дисциплины и уголовных проявлениях – совершали кражи и побеги. Начальник колонии капитан Магера и его заместитель по учебно-воспитательной части капитан Кабанин не занимались серьезно изучением подростков, не уделяли внимания правильному подбору бригадиров из их числа, в результате чего среди бригадиров оказались нарушители режима и рецидивисты. Один из бригадиров – осужденный Дымов допускал избиение подростков, за что в январе 1949 г. был отстранен от обязанностей бригадира, а 1 марта на почве мести нанес тяжелое ножевое ранение осужденному подростку Вохминову. Как установлено, нож Дымов похитил из сапожной мастерской колонии. Это свидетельствует о том, что в колонии не налажен учет и хранение инструмента...» [8, л. 20-21]. Как видно, условия содержания несовершеннолетних соблюдались далеко не всегда.

В этом смысле представляют интерес воспоминания бывшего несовершеннолетнего заключенного М. И. Киреевского, обвиненного в государственном преступлении, который описывает условия содержания как в пересыльной тюрьме, так и в месте отбывания наказания. В частности, он пишет: «9 февраля 1953 г. меня, ученика вечерней школы, арестовывают в возрасте 17 лет и заключают в одиночную камеру подвала лубянской тюрьмы. Сначала, как только привели на Лубянку, поместили в бокс 1,5 кв. м. – высоко над головой яркая электрическая лампа – в нем я находился часов пять. Затем – одиночная камера угловая, по камере проходил воздухопровод. Как только его включали, в камере было очень холодно. Согреться, прилечь нельзя. И лишь отбой в 10 часов вечера, как буквально через час на допрос, через 2–3 часа

обратно в камеру, а в 6 часов утра подъем. В одиночке находился 12 дней, затем переведен в общую камеру, где было 8 человек. Ночные допросы. Страшное обвинение в одобрении террористической деятельности врачей и еще многое такое, что меня охватывал ужас от происходящего. Донесли на меня на работе. Следователь: «С кем ты делился, разговаривал дома, называй адреса, фамилии»... После следствия и предъявленного обвинения меня перевели в Бутырскую тюрьму, а затем по этапу через иркутские, свердловские и прочие пересылки – в порт Ванино, где ждали этапа в Магадан. Порт Ванино. Среди нас находился один самый молодой человек с Западной Украины, было ему 14 лет. Сидел за то, что пустил змея, прикрепил к нему портрет Сталина и стрелял в него из рогатки. Статья 58-5-19... Помню еще Петра Танчина, 16 лет, тоже с Западной Украины... После ареста Берии летом 1953 г. обстановка в пересыльном лагере изменилась. Была создана инициативная группа, и решили сделать все возможное, чтобы в Магадан не отправили – стали саботировать; ведь большинство, как и я, не чувствовали за собой никакой вины. Но были вызваны войска МВД, нас избили, выстроили колонной и погрузили в трюм теплохода «Уэлен». Кошмар этого перехода: каша, хотелось пить, пресной воды не было, и хотя бы глоток свежего воздуха! Составили очередь на вынос параши, которую выливали за борт. Осенью, в середине октября, мы наконец добрались до Магадана. Через некоторое время меня этапом отправили дальше, и в ноябре 1953 г. я прибыл на рудник имени Матросова. В шахту на добычу золотоносной руды меня не направили, пожалели. Работал на фабрике по извлечению золота из породы с помощью ртути (флотация) ... Весной 1954 г. меня отправили опять в Магадан, и я работал разнорабочим на стройке. Таскал кирпичи, работал на растворном узле. И все время писал, писал жалобы и ждал, ждал. И, наконец, дождался. В начале февраля 1955 г. мне сообщили, что решением Военной коллегии Верховного суда СССР от 8 декабря 1954 г. я реабилитирован» [9, с. 146-147]. Вместе с тем следует иметь в виду, что данный случай – все же крайнее проявление несправедливости советской власти по отношению к несовершеннолетним.

По отдельным фактам нарушения законности, плохой работы часто принимались оргвыводы. Характерным является Приказ МВД СССР «О неудовлетворительной работе Ташкентской детской трудовой колонии УИТЛК МВД Узбекской ССР» (1954 г.) [10, л. 335-336]. Здесь отмечалось: «Произведенной МВД СССР проверкой работы Ташкентской детской трудовой колонии УИТЛК МВД Узбекской ССР установлено, что режим содержания осужденных несовершеннолетних в колонии не соблюдается, коллектив подростков организован плохо, учебно-воспитательная работа и изучение несовершеннолетних проводятся совершенно неудовлетворительно. В результате такого положения в Ташкентской колонии 20 января 1954 г. имели место самоубийство осужденного подростка Мочульского и беспорядок среди несовершеннолетних. Начальник колонии майор внутренней службы Шумилов, зная о серьезных недостатках в работе колонии, слабо руководил учебно-воспитательной работой и надзорной службой, не обеспечил должной организации и оздоровления коллектива подростков, не укрепил служебную дисциплину среди сотрудников колонии. Исполняющий обязанности начальника СДК УИТЛК майор внутренней службы Ширяев и его заместитель подполковник внутренней службы Росинский хотя и бывали в колонии, но не приняли необходимых мер к наведению должного порядка в ее работе, к укреплению

режима содержания, улучшению воспитания и обучения подростков. Начальник УИТЛК МВД Узбекской ССР полковник внутренней службы Шарипов слабо вникал в деятельность Ташкентской трудовой колонии, мало оказывал помощи в ее работе и не укрепил кадры воспитателей и начальников частей колонии» [10, л. 335]. За эти упущения было предписано: начальника Ташкентской детской трудовой колонии майора внутренней службы Шумилова А. Ф. за развал работы колонии с занимаемой должности снять и использовать с понижением; за неудовлетворительное руководство воспитанием и обучением подростков в Ташкентской детской трудовой колонии и непринятие мер к укреплению в ней режима содержания осужденных несовершеннолетних исполняющему обязанности начальника ОДК УИТЛК майору внутренней службы Ширяеву К. С. и его заместителю подполковнику внутренней службы Росинскому И. В. объявить выговор; за слабое руководство, отсутствие должной требовательности к руководящему составу ОДК и допущение серьезных недостатков в работе Ташкентской детской трудовой колонии начальнику УИТЛК МВД Узбекской ССР полковнику внутренней службы Шарипову А. объявить выговор; начальником Ташкентской детской трудовой колонии назначить майора внутренней службы Ваулина Е. Н., освободив его от должности начальника Суздальской трудовой воспитательной колонии УМВД Владимирской области. Следует заметить, что это довольно серьезные меры дисциплинарной ответственности.

Как показывают акты проверок, воспитанники детских колоний обращались с жалобами к проверяющим. Как представляется, такое возможно там, где нарушения имеют систематический характер. Так, в одном из Распоряжений МВД СССР (1955 г.) [11, л. 248] указывается, что во время обследования детских трудовых и воспитательных колоний, а также при проведении проверок по жалобам воспитанников выявлены случаи грубого обращения и нарушения социалистической законности со стороны отдельных работников колоний по отношению к несовершеннолетним. В Осташковской детской трудовой колонии УМВД Калининской области некоторые воспитатели применяли меры физического воздействия к нарушителям дисциплины. Бригады из числа осужденных подростков, пользуясь попустительством и бесконтрольностью со стороны руководства и воспитательского состава колонии, избивали других несовершеннолетних. При проверке по жалобе воспитанников Каменской колонии вскрыты факты, когда мастер производственного обучения Нестеренко не только грубо обращался, но и допускал рукоприкладство к отдельным подросткам. Случаи грубого отношения к детям и нарушения законности выявлены в Велючанской воспитательной колонии МВД Литовской ССР, Кубинской колонии МВД Азербайджанской ССР, Ижевском и Вильнюсском Детских приемниках. По каждому из этих случаев проводилось расследование. Лица, допустившие антипедагогические методы воспитания, случаи грубости и рукоприкладства к подросткам, строго наказаны. МВД СССР обращает Ваше внимание на необходимость всемерного улучшения условий содержания несовершеннолетних и усиления борьбы с нарушениями социалистической законности со стороны работников детских колоний и приемников. Ни одного случая нарушения социалистической законности и грубого отношения к воспитанникам не оставлять безнаказанным. С настоящим письмом ознакомьте всех работников ОДК МВД-УМВД, воспитателей, учителей, мастеров и надзирателей Детских колоний, а также начальников детских приемников и

предупредите их, что за нарушение Социалистической законности виновные будут строго наказываться, вплоть до привлечения к уголовной ответственности» [11, л. 248].

Несколько позже по фактам, имевшим место в Литовской ССР, был издан отдельный приказ [12, л. 6]. Здесь сообщалось, что в Велючанской детской воспитательной колонии МВД Литовской ССР три вновь прибывших воспитанника за попытку совершить побег из карантинного помещения были подвергнуты избиению старшим инспектором колонии Казначеевым, начальником надзирательской службы Чепулисом, надзирателями Васильевым и Гришкявичусом. Этот факт нарушения социалистической законности свидетельствует о плохой воспитательной работе среди личного состава колонии и слабом контроле со стороны МВД Литовской ССР за ее деятельностью. За избиение трех воспитанников старшего инспектора Велючанской детской воспитательной колонии МВД Литовской ССР младшего лейтенанта Казначеева В. П., начальника надзирательской службы старшего сержанта Чепулиса И. Н. и надзирателей этой же колонии старшину Васильева А. В. и младшего сержанта Гришкявичуса А. С. было решено привлечь к уголовной ответственности. Министру внутренних дел Литовской ССР полковнику Гайлявичюсу было указано на недостаточный контроль с его стороны за деятельностью Велючанской детской воспитательной колонии. Кроме того, он должен был наказать своей дисциплинарной властью остальных должностных лиц колонии и МВД республики, виновных в ослаблении воспитательной работы и дисциплины среди личного состава колонии.

В целом можно констатировать, что в рассматриваемый период послевоенной истории советского государства (1945-1956 гг.) условия содержания несовершеннолетних в детских пенитенциарных учреждениях имели системное правовое регулирование и характеризовались, если иметь в виду установленные требования, достаточной гуманностью. В частности, непосредственно после окончания Великой Отечественной войны нормы питания разделялись на несколько видов (основная, льготные и «штрафная»), позволявших поддерживать растущие детские организмы, хотя ассортимент не отличался широтой. В дальнейшем, в связи с большими трудностями с продовольствием в стране, нормы питания на некоторое время были снижены. Вместе с тем в правоприменительной практике условия содержания несовершеннолетних в местах лишения свободы далеко не всегда соответствовали утвержденным нормам, о чем свидетельствуют акты проверок детских пенитенциарных учреждений работниками прокуратуры, а также центрального аппарата ГУЛАГа. Наибольшее количество злоупотреблений приходилось на расхищения материальных ценностей, грубое обращение с воспитанниками. При этом власть использовала довольно жесткие подходы к нарушителям законности со стороны администрации детских трудовых колоний, детских трудовых воспитательных колоний и приемников-распределителей, о чем свидетельствуют как частые проверки пенитенциарных учреждений, так и строгие меры ответственности, вплоть до уголовной, которым подвергались нарушители.

Ссылки:

1. Инструкция Прокуратуры СССР «О работе прокуроров по делам несовершеннолетних» от 10.01.1945 г. // ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 108. Д. 332. Л. 250-254.

2. Постановление ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» от 07.04.1935 г. // СЗ СССР. 1935. № 19.

3. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы) от 28.12.1940 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 1 (за это нарушение несовершеннолетние по решению суда могли быть направлены в трудовые колонии на срок до одного года).

4. Инструкция НКВД СССР, Наркомюста СССР и Прокуратуры СССР «О порядке направления и сроках содержания несовершеннолетних в трудовых воспитательных колониях НКВД СССР» от 21.06.1943 г. // ГАРФ. Ф. 9401. п. 12. Д. 210. Т. 1. Л. 203 об.

5. Приказ Прокурора СССР «Об усилении борьбы с хищениями и разбазариванием продовольственных и промышленных фондов и другими злоупотреблениями в детских учреждениях» от 28.07.1945 г. // ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 108. Д. 332. Л. 240-241.

6. Директива народного комиссара внутренних дел СССР «Об улучшении работы отделов НКВД/УНКВД по борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью» от 14.02.1946 г. // ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 214. Л. 25-26.

7. Распоряжение министра внутренних дел СССР министрам внутренних дел республик, начальникам УМВД по краям и областям «О мероприятиях по борьбе с растратами, хищениями и злоупотреблениями в детских приемниках-распределителях, состоящих на союзном и местном бюджетах» от 05. 07. 1947 г. // ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 253. Л. 28-28 об.

8. Приказ МВД СССР «О грубых нарушениях режима содержания и недостатках учебно-воспитательной работы в Надвоицкой трудовой колонии для осужденных несовершеннолетних Карело-Финской ССР» от 04.06.1949 г. // ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 312. Л. 20-21.

9. Воспоминания М. И. Киреевского // Освенцим без печей. М.: Возвращение, 1996. С. 146-147.

10. Приказ МВД СССР «О неудовлетворительной работе Ташкентской детской трудовой колонии УИТЛК МВД Узбекской ССР» от 25.02.1954 г. // ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1 а. Д. 530. Л. 335-336.

11. Распоряжение МВД СССР министрам внутренних дел республик, начальникам управлений МВД краев и областей, начальникам детских трудовых и воспитательных колоний по фактам нарушений в ряде детских колоний от 04.04.1955 г. // ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1 а. Д. 561. Л. 248.

12. Приказ МВД СССР «О нарушении социалистической законности в Велючанской детской колонии МВД Литовской ССР» от 23.04.1955 г. // ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 210. Т. 2. Л. 6.